

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ МЕТАФОР СОВЕСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. В. Пименова

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 27 января 2009 г.

Аннотация: в статье описываются различные способы метафоризации совести в русском и английском языках. В сравниваемых языках чрезвычайно многообразны правовые метафоры, представляющие этот концепт.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, метафора, символы культуры.

Abstract: the article describes various ways of metaphoric conceptualization of conscience in Russian and English. Both languages demonstrate a rich variety of metaphors of conscience used in legal discourse.

Key words: concept, linguistic picture of the world, metaphor, cultural symbols.

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне
И. Кант

Обращение к морально-нравственным категориям культуры приводит нас к таким ключевым концептам, как *совесть*, *правда*, *честь* и т.п. Категории культуры проявляются в языке, фиксирующем все формы материальной и духовной культуры: «языковые категории представляют собой определенные концептуальные структуры или формы осмысления мира в языке» [1, с. 17]. Описание явлений языковой категоризации мира «ориентировано на такие ее параметры, как “наивность содержания” и метафоричный характер выражения» [2, с. 107].

Проблема *совести* впервые была поднята филологами. Так, И. Ильин считал, что «совесть есть знание добра». Н. А. Бердяев указывал, что «совесть есть *орган восприятия* (курсив мой. — М. П.) религиозного откровения, правды, добра, целостной истины. Она совсем не есть отдельная сторона человеческой природы и специальная функция, она есть целостность духовной природы человека, ее сердцевина или сердце в онтологическом, а не психологическом смысле слова» [3, с. 150].

К вопросу языкового представления *совести* обращались разные лингвисты [см., например: 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Так, Е. В. Урысон рассматривает *совесть* как некий внутренний орган [12, с. 10] (ср. определение *совести* Н. А. Бердяева). Ю. Д. Апресян представляет *совесть* как «нравственный тормоз, блокирующий реализацию... аморальных желаний или побуждений» [4, с. 40].

Словарные толкования *совести* близки, но не идентичны. Лексема *совесть* в словарной статье определяется как «чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения» (СРЯ, IV, с. 175). П. Я. Черных (1993, II, с. 184) акцентирует нравственный аспект: «чувство ответственности за свое поведение перед людьми, обществом». В словаре В. И. Даля встречаем: «совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла» (Даль, IV, с. 257). Нравственное сознание — это отголоски заимствования. Нравственное чутье — очень точное замечание по поводу природы *совести*: *совесть* — это интуитивное (не рациональное) знание категорий добра и зла. *Совесть* — это прирожденный дар, данный человеку для ориентации по внутреннему ощущению, а не как общество велит [см. подробнее: 9]. В. И. Даль считает, что совесть это «прирожденная правда в различной степени развития» (Даль, IV, с. 257). На основе указанных словарных дефиниций можно выделить следующие понятийные признаки (актуализированные в виде сем и семем): 1) чувство (ответственности); 2) (нравственное) сознание (добра и зла); 3) ответственность за поведение и поступки перед собой; 4) ответственность за поведение и поступки перед людьми и обществом; 5) (нравственные) принципы; 6) взгляды; 7) убеждения; 8) (прирожденная) правда. Если мы внимательно рассмотрим выделенные понятийные признаки сквозь

призму права, то признаки 1 и 2 выражают психологическое понятие «саморефлексии»; признаки 3 и 4 относятся к понятийной сфере «принципы права — нормы и правила поведения», а признаки с 5 по 8 — к сфере «основы поведения — мораль и нравственность».

В английском языке дается следующее определение лексемы *conscience* «совесть»: «осознание внутри себя возможности выбора между правильным и неправильным» (Hornby, 1984, p. 123); акцент ставится на возможности выбора, который должен быть осознанным. Интересным на этом фоне представляется еще одно определение лексемы *conscience*: «внутреннее чувство и осознание различия между правильным и неправильным» (ASDoE, 1983, p. 127); здесь акцентируется понимание и рациональная оценка происходящего. В английском языке *совесть* относится к чувственно-рациональной сфере: *Conscience* «ментальное чувство правильного или неправильного» (PED, 1986, p. 101). Понятийные признаки *совести* в английском языке следующие: 1) осознание (возможности выбора); 2) (ментальное) чувство (правильного или неправильного). К области права относится только сема «правильное и неправильное», где правильное — область нормы в поведении человека.

Различная интерпретация *совести* и *conscience* связана с особенностями ментальности русского и английского народов, проявившимися в том, как и с каким значением заимствовались соответствующие лексемы (репрезентанты концептов) в эти языки. В русский язык из греческого скалькировано две лексемы — *совесть* и *сознание*. *Совесть* — это божественный Логос, это голос Бога, корректирующий поступки человека, *сознание* — это понимание, осознание. От последнего в русском образована лексема *сознательность* — т.е. то, что определяет место человека в обществе, формирует понятие о долге, праве. Как отметил В. В. Колесов, «русским близка окончательно сформулированная к концу XVII века идея “совести”, попытки заменить ее “сознательностью” кончаются весьма печально, поскольку в народном сознании лежит представление о душевном (логосе), а не о рассудочном (рацио)» [8, с. 116]. Область права раньше была в руках жречества, религиозной касты, которая вершила суд и определяла меру наказания, опираясь на нормы религиозного поведения. В языке это отображается в системе ассоциаций и метафор (ср.: *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь; Добрая совесть — глаз Божий*). Религия выступает основанием морально-нравственного закона в обществе. Ср.: «[Иисус] же сказал ему: *в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего*

твоего, как самого себя»: Лук. 10: 26—27 (здесь и далее курсив в цитатах из Библии мой. — М. П.).

В английском языке *conscience* «совесть» связана с понятиями долга, честности и чести, — а это уже общественные и этические понятия (ср. выражение: *to make smth. a matter of conscience* «считать что-л. делом своей совести /своим долгом/»; «*Conscience, and hono u r, and the most despotic necessity, dragged me apart from her, and kept me sundered with ponderous fetters*». Brontë). В английском языке понятие *совести* заменяется понятиями *честности* (*to be honest* «по совести говоря»), *правды* (*to tell the truth* «по совести говоря») и *стыда* (*shamelessly* «бессовестно»). Концепт *conscience* близок к концептам *откровенность* и *правда* (*to speak/tell one's conscience* уст. «откровенно высказать свое мнение»). От *conscience* «совесть» образована лексема *consciousness* «1. Сознание, 2. Сознательность», т.е. *conscience* и *consciousness* в английском языке реализуют идею рационального (знания), а не божественного (душевного/ индивидуального). С понятием долга связана и лексема *conscientious* «добросовестный; сознательный». Аналогичное понятие существует в немецком (*Gewissen*) и французском языках; как предполагает Ю. Д. Апресян, «в английском или французском *conscience* обозначает нечто среднее между `совестью` и `сознательностью`» [4, с. 41].

Совесть — то, что измеряет наши поступки по некоей шкале «правильно — неправильно». Однако у человека есть право выбора в своих действиях (*действовать вопреки своей совести*). *Совесть* связана с понятием *чести* по принципу «социальное (рациональное, нравственное) — внутреннее (личное, божественное)». В. В. Колесов разделяет понятия *честь* и *совесть* так: «каждый человек, кроме принадлежности к корпоративной чести, владеет еще и личной совестью. Возможность выбора, перед которым стоит каждый, определяет степень его свободы, и когда говорят, что «свобода слишком неудобна для стихийного русского человека» (для него предпочтительна *воля*), по-видимому, просто имеют в виду, что *свобода выбора* ограничена для русского человека его совестью, которая — в нормальных обстоятельствах — не хочет, не может, не должна расширяться до необъятной чести, поскольку честью можно торговать, а совестью нет, поскольку честью можно оправдать гораздо больше дурных поступков, вплоть до преступлений, а *муки совести* этого не допустят» [8, с. 161—162]. Установлена следующая шкала нравственных ценностей для русского этнического сознания, для которого *совесть* («то, что соведает один Бог») важнее *чести* («части, исходящей от окружающих людей», т.е. понятия корпоративного), *стыд* («что студит душу», т.е. внутреннее ощущение) сильнее *срама* (т.е. позора перед людьми), а *святость* (как

внутреннее состояние) неизмеримо выше *геройства* (как внешнего поведения)» [6, с. 123].

В конституциях различных государств используется выражение *свобода совести* (в соответствующем переводе). В английском языке *freedom /liberty/ of conscience* «свобода совести» связывается со свободой вероисповедания (БАРС, I, с. 345). В русском языке *свобода совести* это «право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой» (ЛТРЯ, 1994, с. 444); ср.: *В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства*. Конституция СССР. Обычно истолкование *свободы совести* связано с религиозной сферой. В немецком языке это выражение означает «право гражданина противостоять принуждениям совести» (*Recht des Bürgers, sich einem Gewissenszwang zu widersetzen*) (Mackensen, II, p. 881).

Многие метафоры, существующие сегодня в русском и английском языках, пришли из Библии, с текстом которой, доступным всем слоям общества, связано распространение понятия *совесть* среди носителей языка.

В приведенных выше словарных дефинициях признаки права реализуются в русском языке прямо, в английском — косвенно. Правовые признаки *совести* восходят к внутренней форме слова: «о.-с. *svěstь собств. значило «(по)знание, получаемое вместе с кем-л.». Ср.: о.-с. *věstь < *vĕdŕtŕ, от глаг. *vĕdĕti — «знать», «разуметь» (Черных, II, с. 184). По мнению В. Н. Телия, «коннотативные признаки — это наследие внутренней формы слова, а их сохранение обусловлено необходимостью удержать связь переосмысленного значения слова с опорным для него наименованием» [13, с. 66]. Совместное знание социально маркировано, к нему относится религия, мораль и нравственность, право и закон.

Суд в сознании народа ассоциируется с *правдой* (*судить по правде; правдивый суд*; отсюда *правосудие*) и с *совестью* (*судить по совести = судить по правде*), определяющими поступки людей (*поступать по правде/ по совести*). Ср. в Библии: «А поступающий *по правде* идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны»: Иоанн 3: 21. *Свет* — эпитет и синоним Бога: «Суд же состоит в том, что *свет пришел в мир*; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы»: Иоанн 3: 19. Истоки многих правовых метафор *совести* находятся в Библии. Признаки концептов, однажды проявившись в их структурах, не исчезают, несмотря на развитие языка, они сохраняются и доходят до нас, иногда в виде стертых метафор, иногда в виде семантической или семантико-стилистической синонимии.

Совестью, как правдой, можно поступиться (*поступиться (своей) совестью*). Правда, описываемая

метафорами света, понимается как знание *совести* (*И вдруг ужасная правда осветила его совесть...* Салтыков-Щедрин). Слова *совесть* и *правда* в русском языке в определенных контекстах выступают в качестве синонимов (*Никем по совести она не дорожит*. Грибоедов; ср.: *по правде никем не дорожить; ...Разузняйте вы это дело по совести*. Лесков. Язвительный; ср.: *разузнать все по правде* «как на самом деле»). Однако *совесть* выше правды; *совесть* — от Бога, значит *совесть* — это истина (*Я тебя в этом уверяю по истинной совести*. Гоголь). Эта ассоциация также восходит к тексту Библии: «А мы знаем, что *по истине* есть суд Божий на делающих такие дела»: Римл. 2: 2. Для русской народной культуры свойственно искание правды; люди — искатели правды — вызывали особое уважение. Их называли *людьми большой совести* (*В моей обездоленной деревне жили люди большой совести и беспокойной мысли — и скатели правды, протестанты, бунтари*. Гладков). *Совесть* может быть противопоставлена языку. Оппозиция ‘*совесть—язык*’ строится на скрывающейся за этими концептами традиционной антонимичной паре *правда—ложь*; *совесть* в таком случае связывается с правдой, истиной, язык — с ложью (*А взамен совести выросло у них во рту по два языка...* Салтыков-Щедрин).

Правовые метафоры *совести* основаны на соответствующих признаках этого концепта, встреченных в Библии. *Совесть*, как судья, обличает поступки человека: «Они же, услышавши то и будучи *обличаемы совестью*, стали уходить»: Иоанн 8: 4, 7, 9. Как судья, собственная *совесть* судит человека: «для чего моей свободе быть *судимой* чужою *совестью*?»: 1 Коринф. 10: 29. Самоосуждение своих действий — это и есть суд по закону Божьему. Ср.: *the bar of conscience* «суд совести». Метафоры суда *совести* чрезвычайно активно используются в русской классической литературе («*Пред аю тебя твоей совестью*». Пушкин). Суд собственной *совести* жесток и беспощаден (*Осудил сам себя беспощадным судом...* Некрасов). Особое свойство *совести* и *conscience* — быть нравственным цензором человека (*before the tribunal of conscience* «перед судом совести», где *tribunal* «суд»). Выражение *суд (официальной) чести* используется для обозначения суда, в котором приговор выносится *по совести*; выражение *совестное дело* означало «подлежащее суду совести, а не гражданскому закону», *совестным судом* именовалось «учреждение, где известный разряд спорных дел разбирается по совести судей» (Даль, IV, с. 257).

Совесть и мысли свидетельствуют «за» или «против» человека. Они являются основанием для обвинения или оправдания человека: «Они показы-

вают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую»: Римл. 2: 15; «Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией жили в мире»: 2 Коринф. 1: 12.

Совесть и *conscience* — это закон. По закону *совести* человек строит свою жизнь (*жить по законам (своей) совести*; *You should act according to your conscience* «тебе следует действовать как совесть велит», букв. в соответствии с совестью) и наказывает себя за проступки («Я дал вам слово честное *Отвечай держать по совести*». Некрасов). Этот закон позволяет человеку судить не только самого себя, но и других (*судить по совести*). Судьи должны руководствоваться в первую очередь законами *совести* (*вершить суд по совести*). Идеальный закон — тот, что соответствует закону *совести* («*Бывает, что судья мзда глаза дерет, бывает, что судья неопытен и дела не понимает, вершит не по закону, не по совести*... Мельников-Печерский). Мирской суд не всегда опирается на такие законы (*Да только она-то, сестра, живет по другим законам — законам своей совести*... Абрамов). Как закон, *совесть* наделяется признаками 'власти' и 'неизбежности наказания' (*Сколь не избезна власть твоя, гроза преступников, невинных утешитель, О, совесть, наших дел закон и обвинитель, свидетель и судья*. Жуковский). В русской языковой картине мира *совесть* и закон объективируются общим признаком 'правда/правильность' (*правая совесть*). Этот признак позволяет употреблять лексему *совесть* в контекстах со значением «(не)правильность суждения» (*То я сужу, по совести моей*... Крылов).

Совесть — внутренний закон — качество, характеризующее не всех людей (*...Потому что у тебя совести нет, вот что!* Достоевский). Реализация признака такого качества возможна через имущественные метафоры: *совесть имеют, теряют или забывают (о совести забыть)*. Мирской суд не всегда справедлив; судейство не всегда объективно; все эти реалии отразились и в структуре концепта *совесть* (ср.: *идти на сговор/делку со своей совестью; продажная совесть; сговорчивая совесть; забывчивая совесть*).

К правовым религиозным, связанным с моралью и нравственностью, т. е. с духовным правом, следует отнести метафоры скверны, непорочности и порока: «для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум и совесть»: Тит. 1: 15; «Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми»: Деян. 24: 16; «Да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистивши сердце от порочной совести, и омывши

тело водою чистою»: Евр. 10: 22—23. Чтобы закон свершился, необходим суд (*суд совести*). Суд *совести* — это суд Божий. Такой суд справедлив и страшен («*Совесть у меня ... в груди, а то ... пропали Шишкины! Страшный суд теперь ... Господь — Справедливец ... нам препоручил*. Шмелев). *Совесть*, которая ничем не запятнана, отличается отсутствием греха (*непогрешимая совесть*). Грех — понятие религиозное. Светское понятие вины — эквивалента греха — определяется наличием *совести* («*Если в совести все дело*», — спрашиваю, — «*так ведь совесть — это покамест руку ему рубишь, а как в канаву сволок, какая же моя перед ним вина, раз он больше не существует*». Леонов; *money paid because one has a guilty conscience*).

Многие метафоры *совести* проникли в область права и ныне выступают в качестве терминов. В английском языке есть необычное для носителей русского языка сочетание *conscience money* (букв. совестные деньги), означающее «деньги, выплачиваемые [потерпевшему] тем, кто виновен по совести» (Hornby, 1984, p. 123). Ср.: *But as one reads in the column of the Times newspaper every now and then queer announcements from the Chancellor of the Exchequer, acknowledge the receipt of £50 from A.B., or £10 from W.T., as conscience-money, on account of taxes due by the said A.B. or W.T., which payments the penitents beg the Right Honorable gentlemen to acknowledge through the medium of the public press...* Thackeray.

Совесть (совместная весть — общее знание) выражает понятие Логоса. Логос проявляет себя в духовной сфере, с которой соотносятся сердце и душа человека. О локализации *совести* в сердце и о связи *совести* с Богом также пишет В. В. Колесов: «...Бог, как известно, у каждого в сердце свой («совесть»)» [8, с. 130].

Душе дано право выполнять функцию нравственного законодателя, функцию правосудия (ср.: *...Евгений, Наедине с своей душой Был недоволен сам собой. И поделом: в разборе строгом, На тайный суд себя призвав, Он обвинял себя во многом...* Пушкин). Функциональная закреплённость души быть судьей человека ретроспектируется из этимологии соответствующей лексики: «*Д о у ш а. Совесть, нравственная ответственность*» (СДЯ, III, с. 106). Существует народное представление о душе как некой нежной субстанции, едва ощутимой и невидимой. Приобретая качество 'твердости', душа теряет свои изначально данные свойства (*закоснеть душой*). Подобным образом переосмысляются характеристики *совести* в русском (*Заскоружлой совести не проймешь*). Душа и *совесть* в некоторых выражениях выступают в качестве синонимов. Особенно ярко это прослеживается в русских пословицах: *Это дело у меня на душе (на совести); С совестью не разминуть-*

ся; *Душа не сосед — не обойдешь* (Даль, IV, с. 143).

Совесть в русской языковой картине мира есть Логос, глас Божий, для восприятия этого гласа у человека есть душа и сердце, — это и место Бога, и орган восприятия его посланий. В английской языковой картине мира *совесть* подменяется понятиями честности, правды, стыда. В этом проявляется рациональность, рассудочность *совести* — сознательность поступков, но это не Логос. В английском языковом сознании фиксируется первичность общественного мнения, в русском — самосознание, ответственность перед собой и Богом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка / под ред. Е. С. Кубряковой. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. — С. 16—39.
2. Борискина О. О. Изучаем криптоклассную категоризацию мира в языке / О. О. Борискина, А. А. Кретов // Введение в когнитивную лингвистику : учеб пособие / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. — С. 106—132.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. — М. : Республика, 1993. — 383 с.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. — 767 с.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1976. — 384 с.
6. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук. — Л. : ЛГУ, 1991. — С. 27—41.
7. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет. — Петрозаводск : ПГУ, 1995. — С. 13—24.
8. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. — СПб. : Златоуст, 1999. — 364 с.
9. Пименова М. В. *Совесть* как составная часть внутреннего мира человека / М. В. Пименова // Этногерменевтика : фрагменты языковой картины мира. — Кемерово : Кузбассвуиздат ; Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 1999. — С. 62—69.

Кемеровский государственный университет

Пименова М. В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков

E-mail: pimenovaMV@rambler.ru

Тел.: (384-2) 57-56-85

10. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. — Кемерово : Кузбассвуиздат ; Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 1999. — 262 с.

11. Пименова М. В. Концептуализация и объективация совести в языковых картинах мира / М. В. Пименова // Сиб. филол. журнал. — 2003. — № 3/4. — С. 208—217.

12. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1995. — № 3. — С. 3—15.

13. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. — М. : Наука, 1981. — 269 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

БАРС — Большой англо-русский словарь : в 2 т. / Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург и др. ; под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой ; 4-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. язык, 1987.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — СПб. : Диамант, 1996.

ЛТРЯ — Лексические трудности русского языка : словарь-справочник / А. А. Семенюк (рук. авт. кол.), И. Л. Городецкая, М. А. Матюшина и др. — М. : Рус. язык, 1994. — 586 с.

СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. — М. : Рус. язык, 1988—1991.

СРЯ — Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой ; 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. язык, 1981—1984.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Рус. язык, 1993.

ASDoE — Active study dictionary of English. — L. : Longman Group Ltd., 1983. — 710 p.

Hornby A. S. Oxford Students Dictionary of Current English / A. S. Hornby. — Oxford : Oxford University Press, 1984. — 768 p.

Mackensen L. Deutsches Wörterbuch in 3 Bänden / L. Mackensen. — München, 1977.

PED — Practical English Dictionary. — L. : Holland Enterprises Ltd., 1986. — 582 p.

Kemerovo State University

Pimenova M. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Linguistics Theory and Slavic Languages Department

E-mail: pimenovaMV@rambler.ru

Tel.: (384-2) 57-56-85